

Проза и поэзия

Виктор Тимофеев – ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ 90-Х ГОДОВ	2
Александр Лыков – ЖЕНИХ, рассказ	5
Альберт Ванеев – БЕРЕГУ НЕРАСТРАЧЕННЫЙ СВЕТ... стихи (Перевел с коми А.Расторгуев)	15
Дмитрий Вересов – ПРОЩАНИЕ С ХУАНХЭ, маленькая повесть	17
Станислав Мишнев – ЗВЕЗДЫ, рассказ	41
Василий Мишнев – НА РОДИНЕ – ХОЛОДНЫЕ КЛЮЧИ... стихи	45
Яна Жемойтель – ДЫХАНИЕ СТРАНЫ, рассказы	47
Елена Сальникова – ЛАВКА ЖИЗНИ, короткие рассказы	62
Надежда Большакова – ОКТЯБРИНА, повествование о первой саамской поэтессе	66

Публицистика

Владимир Юдин – «ВЗОРВЕТСЯ – НЕ ВЗОРВЕТСЯ?..»	82
Владимир Щипцов – ГЕОЛОГИЯ – ДЛЯ ОБЩЕСТВА	88
Виталий Морозов – ЗАОНЕЖЬЕ: ПУТЬ К ВОЗРОЖДЕНИЮ	98

Точка зрения

Мийкул Пахомов – «ОНИ ПРИНАДЛЕЖАТ К ЧУДСКОМУ ПЛЕМЕНИ...»	101
--	-----

Из Швеции возвращаясь

Раиса Мустонен – РОССИЯ – РОДИНА СЛОНОВ, ШВЕЦИЯ – ПОМИДОРОВ	103
Анатолий Суржко – ПОВЕРКА ДОРОГОЙ	114

Россия в суждениях Запада

Лилия Сиберг – ЧЕРТЫ РУССКОГО ХАРАКТЕРА	120
--	-----

Имена и даты

Викдан Синицын – С ВЕРОЮ В РОССИЮ (К 60-летию Виктора Тимофеева)	123
--	-----

Публикации и комментарии

Владимир Иванович Даль – РУССКИЕ СКАЗКИ (Публикация и вступительное слово К. Г. Тарасова, С. Е. Тарасовой)	127
---	-----

Странничка краеведа

В. И. Силин – ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРОЕКТА	140
---	-----

Критика и литературоведение

Елена Сойни – «НЕТ СОЛОВКОВ, НЕ ВИДНО РОССИИ...»	142
Олег Салмин – ПРОЗОРЛИВОСТЬ ПРОСТОТЫ	156
Елена Глибина – «УНОСЯ В НЕИЗВЕСТНУЮ ДАЛЬ...» (Заметки о дамской поэзии)	159

На второй стр. обложки фото Н.Чеснокова
«ПОРА ЦВЕТЕНИЯ».

Петрозаводск, «Север», ©, 1999 г.

“ОНИ ПРИНАДЛЕЖАТ К ЧУДСКОМУ ПЛЕМЕНИ...”

На все четыре ветра сlyвет Карелия городами Петрозаводском и Кондопогой, первым российским курортом “Марциальные воды”, водопадом Кивач, тивдийским мрамором и жемчужиной Онего — островом Кижи, однако мало кто знает, что находится вся эта краса и величие на исторической земле небольшого прибалтийско-финского племени Люуди. Еще же меньше тех, кто задумывается об истории происхождения люудиков, которая исполнена загадок. Дошедшие до нас письменные источники очень немного и невнятно говорят об истоках этого племени. Поэтому, чтобы познать суть вещей, мы обращаемся к живому и в то же время древнему Слову — величайшей сокровищнице каждого этноса. К тому самому Слову, за которым калевальский шаман Вяйнямейнен ходил в страну смерти Туонелу и спускался во чрево великаны Винунена. Слово есть ветрило, а история и археология — правило, несущее наш ушкай (по-чудски *uškoi*) к истокам глубинным...

В первом тысячелетии до рождества Спасителя территория древнефинского населения, говорившего на прибалтийско-финском языке-основе, простиралась от Балтики за Чудское озеро и далее на восток. На севере древние финны граничили с протосаамами, на востоке — с древневолжскими племенами, а на юге — с предками литовцев и латышей. В VI—VIII веках н.э. словене (новгородские), спустившись с юга по Ловати, достигли озера *Ilmajärvi* — Ильменя и реки *Mustajoki* — Мсты. Там они встретили первых финнов, которых стали называть Чудью — “чужие”. Позднее это название перешло от новгородцев к лопарям, им обозначили они своих южных финноязычных соседей.

Чудское же население потянулось по Волхову на север, память о чем сохранилась в названии города Чудово, что находится в центральной части реки. Это население стало оседать на юго-восточном берегу Ладожского озера, где в IX столетии и сформировалось племя протовепсов, или Чуди, по-

томками которого являются современные вепсы, люудики и олонецкие карелы, или ливвики. Гнездо этого племени находилось в углу между Волховом и Свирию, откуда оно распространилось на восточный берег Ладоги до старой финской границы в районе Погранкондущей, за которой находились земли древней Корелы. Область деятельности Чуди была гораздо шире и охватывала большую территорию от Ладоги до Белого моря и от Пинеги (по-прафински *Peenijoki* — “Малая река”) — до Белоозера (по-вепсски *Vougedar* — “Белое озеро”). По Свири Чудь достигала Онежского озера, откуда шли водные пути к берегам Белого моря и в Заволочье, где обосновалась ее колония, известная в летописи под именем Заволоцкой Чуди. У викингов эта земля называлась *Vjagma-land*, что восходит к прафинскому *Perämaa* “Задняя земля”, точно так же, как и русское Перемь, а позднее — Пермь. Другая чудская колония, особо выделенная самоназванием Весь, или *Vepsa*, обосновалась у Белого озера, откуда потек по Волге ее торговый путь в государство волжских булгар. Поэтому в летописи Весь обычно упоминается в числе древних волжских племен, рядом с Мерей и Муромой: “А первини наслеънци в Новгороде словене, в Полотсте кривича, в Ростове Меря, в Белоозере Весь, в Муроме Мурома” (862 год).

В устье Волхова по соседству с гнездом Чуди в те далекие времена появилось первое в России поселение викингов, привлеченных проторенным словенами путем “из варяг в греки”. Имя этому поселению было *Aldeigjuborg*, или Ладога. По летописи Ладога в 862 году стала первой столицей князя Рюрика (умер в 879 году), после смерти которого центр молодого государства российского переместился в новый город — Новгород, а затем, в 882 году, и в Киев. Оттого до 882 года Чудь существует в летописи всегда после варягов, или Руси: “Реша Руси Чудь и словене и кривичи и Вси...” (862 год).

От варягов Ладоги Чудь переняла курганную культуру, которая на ее основной племенной территории существовала в

Х—XIII веках на побережьях рек, впадающих с юго-востока и востока в Ладожское озеро. Конец этого языческого обряда погребения связан с распространением христианства на Ладогу. Как сообщает летопись, в 1227 году новгородский князь Ярослав Все-володович крестил множество язычников Приладожья. В этот-то переломный период чудские предки люудиков и стали покидать юго-восточное побережье Ладоги, уходя от Свири по рекам Усланка и Важинка, а также вдоль западных берегов Онего на север в восточную часть Олонецкого перешейка, где мы и находим теперь их потомков. Оттого и цепь люудиковских деревень на карте Карелии, напоминающая крылья высоко парящей в небе птицы, так длинна и узка. Названия этих поселений мы встречаем в Писцовой книге Обонежской пятини 1563 года, как, например, деревня на Гиже наволоке — по-люуди *Hid'niemi* “мыс Хийси, Шипшев нос”, что расположена на юге в Курьяв-Лоянпцах.

Наряду с северо-западным побережьем Онежского озера люудики обосновались и на Заонежском полуострове, о чем, в частности, свидетельствует происхождение названия острова Кижи — “Остров птиц” (от люудиковского *kiža* — “игра, забава, танец”). Однако территория эта со временем полностью обруслена, как и район Петрозаводска, где еще в XIX веке в Ялгубе (по-люуди *Jallaht'*), а в 1940-х годах — в Логморучье (по-люуди *Lohnjoja*) встречались носители люудиковского языка.

Первонасельниками земель, населенных люудиками, были протосаамы, о чем говорит и топонимия этих мест, как, например, название реки Важинка и другие топонимы с корнем *vaj-* (по-люуди *vuaž-*), восходящие к саамскому слову *vaadž* — “важенка, самка северного оленя”. Однако эти края были издавна знакомы чудским пращуром люудиков, пользовавшимся теми водными системами, где ныне проходят Беломорско-Балтийский и Волго-Балтийский каналы. Здесь мы находим названия чудского происхождения: Сегозеро (“Ясное озеро”), Пудож (“Рукав реки”), Вологда (“Белая”) и многие другие, встречающиеся как в Карелии, так и в сопредельных областях. Выходы из юго-восточного Приладожья оставили курганы X—XI столетий, расположенные на берегах Свири и северного Онего. В то далекое время в Челмужской губе Онежского озера существовало целое поселение Чуди, о чём по-

мимо двенадцати известных археологам курганов рассказывают чудские названия: река Немина (ср. генитив ед. ч. по-люуди *nīemēn*, по-вепсски *nēmēn* — “мыс, нос, полуостров, наволок”), гора Хиж (ср. люудиковское *hīž*, вепсское *hiž* — “Хийси, леший, шиш”). Древнейший же пласт челмужской топонимии происходит от лопарей. Так, например, имена Челмужи, Челмужская губа, коса Западная Челмужская от чудского *Colmožen* (генитив ед. ч.) — сопоставимы с саамским *soalme* “пролив, салма, чолма”.

Еще раньше предков нынешних люудиков в западной части Олонецкого перешейка обосновались предки ливвиков, чудская речь которых с XI века под влиянием Корелы с северо-запада стала постепенно превращаться в карельскую. Как раз ливвики и стали первыми проводниками карельского влияния, исходившего с Карельского перешейка и северного берега Ладоги, на чудскую речь люудиков. После заключения Ореховецкого мира 1323 года между Новгородом и Швецией часть Корелы переселилась со своих земель, оставшихся под шведами, в Среднюю Карелию между рекой Суной и Сегозером. Под влиянием языка этих поселенцев сложились говоры северных люудиков, вступивших в тесный контакт с пришлой Корелой. Вместе с люудиками в Карелии на юго-западе Онежского озера появились онежские вепсы, однако они, рано попав в изоляцию от люудиковского ареала, не испытали заметного карельского влияния и сохранили свой язык почти в первозданном виде.

Таким образом, люуди-язык, восходящий к протовепской (чудской) речи юго-восточного Приладожья IX—XIII веков, сформировался в результате ее карелизации с запада и севера в восточной части Олонецкого перешейка, начало чего было положено в XIII—XIV столетиях. “Жители их, — справедливо говорилось в одном из документов Канцелярии Олонецкой губернии за 1856 год, хранящемся в Центральном государственном архиве Республики Карелия, о куярских люудиках, населявших деревни Лоянского погоста, — народ усердный к церкви, от исповеди и святого причастия не уклоняются, молятся трехперстным крестом, по происхождению они принадлежат к чудскому племени, язык которого во многом разнится от языка олонецких кореляков...”